

оезд замедлил ход и остановился.

Молодая женщина отдернула занавеску и осторожно выглянула в окно.

За окном была какая-то небольшая станция — серый бетонный перрон, унылое серое здание с неразборчивым названием этого райского местечка. Где-то на заднем плане виднелись невзрачные пристанционные постройки, тополя в пожухлой листве. Моросил мелкий дождь, и под этим дождем к поезду торопливо шла единственная пассажирка в плаще с поднятым воротником, с клетчатым чемоданом на колесиках.

Еще на перроне были пожилой железнодорожник с флажком в руке, бабка с кастрюлей свежих пирожков, безуспешно пытавшаяся сбыть их кому-нибудь из пассажиров, и шелудивый пес, который заглядывал этой бабке в глаза, надеясь на подачку.

Женщина с чемоданом вошла в вагон, и, словно ее ждали, тут же железнодорожник взмахнул флажком, раздался хриплый гудок, поезд дернулся, лязгнув буферами, как старик вставной челю-

стью, и станция медленно поползла мимо окон — в небытие, из которого она вынырнула на минуту.

Молодая женщина выдохнула с облегчением. Ничего необычного, ничего, что могло бы ее насторожить. Она задернула занавеску, привычно покосилась на заветный чемодан, прилегла на нижнюю полку и прикрыла глаза.

Ехать оставалось еще почти сутки. Еще несколько таких безмянных станций, несколько сотен километров... Она все дальше от того опасного места, все ближе к большому городу, где так легко затеряться...

Вдруг дверь купе откатилась, и на пороге появилась та самая пассажирка, которая только что шла по перрону. Воротник плаща теперь был опущен, и можно было разглядеть ее в тусклом свете, льющемся из коридора.

Женщина на пороге была примерно такого же возраста, как она сама. Взгляд какой-то затравленный, испуганный...

— Привет! — проговорила новая пассажирка, попытавшись улыбнуться. — Это ведь третье купе?

— Третье, — молодая женщина тоже механически, одними губами улыбнулась в ответ.

— Значит, мы будем соседями.

— Выходит, так...

— Вы ведь тоже в Питер?

— А куда же еще...

— Может, на «ты»? Мы ведь примерно ровесницы.

— Хорошо, давай на «ты».

Новая пассажирка закинула свой чемодан на верхнюю полку. При этом рукав плаща сдвинулся, и стал виден синяк на запястье. Она испуганно оглянулась, поправила рукав, села, вымученно улыбнулась:

— Ты в Питер не первый раз?

— Не первый.

— А я — первый... хорошо хоть, есть где на первое время остановиться...

— Родня? — не слишком заинтересованно спросила пассажирка.

— Не то чтобы родня... племянница моей соседки согласилась меня приютить.

— А что ж ты так... считай, к чужим людям?

Попутчица вместо ответа быстро, настороженно взглянула, как испуганный зверек. И этот взгляд, и синяк на запястье, и вся ее повадка сложились в понятную картину.

— От мужа бежишь? — догадалась пассажирка.

Попутчица и сейчас не ответила, она закусила губу, отвернулась к окну.

— Да расслабься, не хочешь говорить — и не надо, — как можно спокойнее сказала пассажирка, — мне-то что, я человек посторонний...

В это время дверь купе снова откатилась, на пороге появилась излишне жизнерадостная, краснолицая проводница, проговорила нараспев, сильно окая:

— Девочки, чайку горячего не желаете?

Попутчица отвернулась. Первая пассажирка проговорила:

— Да, обязательно. Два стакана, с лимоном. Нет, три. И печенье, если есть.

— Как не быть! Сейчас принесу.

Когда дверь за проводницей закрылась, попутчица снова взглянула тем же взглядом испуганного зверька:

— Я не хочу чаю...

— Тебе нужно. Обязательно горячего и сладкого, с печеньем. Тебе сразу полегчает. Первое дело от стресса.

— И денег у меня не особо...

— Да брось ты, какие это деньги...

Проводница вернулась очень быстро — стаканы в красивых подстаканниках, темно-красный чай, какой бывает только в поездах, печенье...

Попутчица порозовела и отмякла.

— Ты права... — проговорила она, допивая первый стакан. — От мужа бегу. Сил моих больше нет...

— Что, нельзя было просто развестись? — осторожно спросила пассажирка.

— Ох, ты не представляешь, что он устраивал! Ревновал меня страшно — это раз...

— Что, было за что? — прищурилась пассажирка.

— Да нет, конечно! Вообще на других мужчин не смотрела! Ходила — глаза в пол, как мусульманка, глаза не красила, платком замотаюсь, юбка до полу...

— Тяжелый случай... Он что у тебя — совсем ненормальный?

— Сама не знаю... — попутчица поникла головой. — Когда замуж выходила — вроде нормаль-

ный был. Вежливый такой, предупредительный, ухаживал красиво. Это потом у него началось.

Она наклонила голову еще ниже, и тут вдруг слова полились из нее неудержимым потоком. Так бывает довольно часто: человек мучается, держит все в себе, и вдруг открывает душу перед случайным попутчиком. А что, в самом деле: вот доедут они до места, разойдутся и больше никогда друг друга не увидят.

Она говорила и говорила, низко опустив голову, и все вертела кольцо на пальце правой руки.

— Что ж ты кольцо не сняла, раз от мужа бежишь? Ведь его подарок небось...

— Вовсе нет! — Попутчица подняла голову. — Это бабушка мне подарила. Это кольцо у нас в роду хранится, от матери к дочери переходит. У бабушки сын был, мой отец, вот она мне и отдала его еще раньше, перед тем как умерла. Велела беречь, не терять и никому не отдавать. Оно простое совсем, серебряное, но фамильная вещь... Только велико мне немного, спадает...

Кольцо и правда было простенькое: тонкий ободок и две веточки переплетенные.

— Ты устала, — пассажирка погладила попутчицу по плечу, — давай-ка ложиться. Утро вечера мудренее.

— Так тетя Лика всегда говорит... — Глаза у попутчицы и правда слипались, очевидно, это реакция на стресс.

По очереди они сходили в конец коридора, чтобы привести себя в порядок перед сном. Возле туалета ошивался какой-то подозрительный тип, он

посмотрел на пассажирку с интересом. Возможно, просто от нечего делать, от дорожной скуки.

Но все же перед тем, как лечь спать, она зафиксировала дверь купе и для верности привязала ее полотенцем к металлической стойке. Попутчица посмотрела удивленно, но ничего не сказала.

Попутчица заснула сразу же, а она спала плохо, просыпалась от каждого подозрительного звука. Наконец окончательно проснулась, еще в темноте быстро проверила чемодан. Попутчица все спала, уютно посапывая, как ребенок.

Внезапно ей зверски захотелось есть. Тоже реакция на стресс, усмехнулась она в темноте.

Она оделась, вышла в коридор, дошла до вагона-ресторана, который работал.

Полусонный официант принес ей два черствых бутерброда с сыром и маленькую чашку крепкого кофе. Был седьмой час утра.

Она пила свой кофе маленькими глотками и смотрела в окно. За окном занимался рассвет.

Поезд шел по изгибу пути, и сейчас в окне была видна вся задняя часть состава.

И вдруг из одного окна выплеснулся язык пламени.

Она вскочила... это был ее вагон!

И там, в ее купе — чемодан... чемодан, в котором все... в котором ее будущее...

Официант тоже увидел огонь, заволновался.

Она бросила на стол деньги, схватила полотняную салфетку, выплеснула на нее воду из открытой бутылки, побежала в свой вагон.

По дороге ее пытались остановить ошалевшие проводники — туда нельзя! Там пожар... она отталкивала их — мне туда обязательно нужно! У меня там ребенок один остался!

Внезапно поезд резко тряхнуло, так что она едва удержалась на ногах, схватившись за поручень. Потом еще и еще, послышался жуткий скрежет, и поезд остановился. Из ближайшего купе донеслись изумленные крики пассажиров.

Наконец она добежала до своего вагона.

Коридор был полон дыма. Она обвязала лицо мокрой салфеткой, но дышать было все равно тяжело.

Навстречу попался задыхающийся, шатающийся мужчина с красными, выпученными глазами, скользнул по ней безумным взглядом, вылетел в тамбур.

Вот и ее купе... Она с трудом отодвинула дверь, которая стала отчего-то очень тяжелой. Внутри дыма почти не было, но свет не горел. Она искала чемодан в неверном свете сполохов огня, нашла его с трудом и тут споткнулась о тело попутчицы. Та лежала на полу в странной позе. Да что с ней такое? Упала с полки?

— Эй! — Она потрясла попутчицу за плечо. — Эй, что с тобой?

Внезапно глаза женщины открылись. Или ей показалось? Да нет, рука шевельнулась.

— Что, что такое? — прошептала попутчица.

В темноте блеснуло кольцо.

В потолок несколько раз ударили.

Лизхен тяжело вздохнула — опять старухе что-то понадобилось...

Бабка уже почти год не выходила из своей комнаты и два месяца не вставала с кресла, в котором и спала, и проводила все свои унылые дни.

Отец и старшие братья Лизхен были постоянно заняты в пекарне, мать обслуживала покупателей, и уход за старухой полностью лег на хрупкие плечи Лизхен.

Она только успевала поворачиваться — то принеси бабке воды, то вынеси за ней ночную вазу... а чуть зазеваешься — стучит в пол своей комнаты клюкой. И будет стучать, пока Лизхен не прибежит... хоть бы уж скорее ее прибрали черти!

Девушка нехотя вскарабкалась наверх по крутой лестнице, вошла в комнату.

В первый момент она испуганно попятилась.

Ей показалось, что в кресле, где обычно восседала бабушка, теперь сидит огромная черная ворона. Сидит по-хозяйски и смотрит на девушку пронзительным взглядом маленьких черных глаз...

Лизхен хотела перекреститься, но ворона злобно каркнула.

Тогда девушка зажмурилась...

Затем она снова открыла глаза...

Никакой вороны, разумеется, не было, откуда ей здесь взяться? Это была она, ее бабушка.

Старуха сидела прямо против двери и смотрела на внучку маленькими темными глазками, похожими на изюмины в воскресном штруделе.

Глазки-то изюмины, а сама старуха напоминала огромную старую ворону.

— *Что так долго? — прошамкала она своим беззубым ртом.*

— *Ну, что вам еще нужно, бабушка? — отозвалась Лизхен. — Снова воды или булку? Я же вам только что приносила...*

— *Нет, внученька! — Старуха состроила умильную физиономию. — Я хочу открыть тебе большую тайну... очень важную тайну... подойди поближе!*

«Совсем с ума соскочила! — подумала Лизхен. — Выдумывает бог знает что...» Однако любопытство пересилило лень и недоверие, и она приблизилась к креслу старухи.

И тут бабка неожиданно ловко ухватила ее своей скрюченной лапкой за ухо.

— *Вы что, бабушка? — взвизгнула Лизхен, безуспешно пытаясь вырваться. — Отпустите! Больно же!*

— *Молчи и слушай! — прошамкала старуха. — Я хочу отдать тебе единственную ценную вещь, которая у меня осталась. Самое дорогое, что у меня есть...*

— *Какую еще вещь... — пропыхтела Лизхен. — Да отпустите же меня, наконец! Вы мне ухо оторвете!*

— *Ничего твоему уху не сделается! Слушай меня и запоминай! Когда меня не станет, сними с моего кресла подушку. Под ней будет дощечка, подними ее, и найдешь маленькую коробочку. В ней лежит кольцо. Того, кто владеет этим кольцом, ждет большое*

будущее. Ты сможешь вертеть мужчинами как захочешь и благодаря им поднимешься на самые верхние ступеньки...

— Ступеньки? — переспросила Лизхен. — Какие еще ступеньки?

Но старуха отпустила ее ухо.

— Не знаю ни про какие ступеньки! — прошамкала она и оттолкнула внучку. — Принеси мне вчерашний штрудель, я знаю, там, в пекарне, остался... не принесешь — скажу твоей матери, что ты украла у меня талер, припасенный на похороны.

— У, ведьма! — прошипела Лизхен и вышла из комнаты. — Надо же — кольцо! Да у нее в жизни ничего ценного не было!

Старуха проводила ее хитрым мстительным взглядом.

Той же ночью сверху донеслись какие-то странные звуки — будто там кто-то топал, хлопали крыльями большие птицы и передвигали что-то тяжелое.

Отец проснулся, поднялся наверх и через минуту вернулся мрачный:

— Мама умерла! Теперь сколько денег уйдет на похороны!

Вся семья поднялась наверх.

Старуха лежала на полу посреди комнаты, словно пыталась подойти к двери, но упала на полпути.

Фриц отправился за священником, отец с Гансом подняли старуху и понесли ее вниз, а Лизхен, дождавшись, пока все уйдут из бабкиной комнаты, подошла к ее креслу.

Она вспомнила последние старухины слова.

Что, если и правда у той было припрятано какое-то дорогое кольцо? Как она говорила... поднять с кресла подушку...

Подушка была мерзкая, пропахшая старостью и нечистотами. Лизхен брезгливо подняла ее двумя пальцами, бросила на пол.

Под подушкой на сиденье кресла и правда была какая-то дощечка. Лизхен подцепила ее ножом, подняла.

Внутри сиденья было углубление, а в нем — маленькая деревянная коробочка.

Надо же — старуха не соврала!

Оглянувшись на дверь, Лизхен открыла коробочку — и едва сдержала вздох разочарования.

Кольцо там и правда было, но очень скромное, явно недорогое.

Ни драгоценных камней, ни жемчужин. Оно было даже не золотое, а всего лишь серебряное.

Внутри по ободку было что-то написано.

И правда — откуда у старухи драгоценности?

— С паршивой овцы хоть шерсти клок! — глубокомысленно проговорила Лизхен и надела колечко на палец.

И почувствовала, как в ней просыпается незнакомая веселая сила... как там говорила старая ведьма? «Ты сможешь вертеть мужчинами как пожелаешь... ты поднимешься на самые высокие ступеньки...»

Только одна мысль червячком точила ее душу.

Если у старухи было это волшебное кольцо и если оно впрямь обладает такими удивительными свойствами — почему же сама бабка не достигла таких высот, о которых она говорит? Почему она закончила свои дни на чердаке бедного дома?

Дашу разбудил звонок телефона. Точнее, про телефон она поняла только потом, а сначала в отвратительный тягучий сон вторглись громкие звуки, напоминающие церковный колокол, который звонит при пожаре. И это притом, что она понятия не имела, как именно звонит церковный колокол.

Сквозь сон мелькнула еще горькая мысль, что колокол звонит по ней, по Дарье Соловьевой. И тут же пропала, потому что Даша проснулась. Точнее, очнулась от забытья. И осознала, что в квартире раздается звон. Телефон? Не открывая глаз, она пошарила на тумбочке рядом с кроватью, что-то упало на пол, потом руке стало мокро, и еще что-то упало на пол, на этот раз с шумом.

И Даша наконец решилась и открыла глаза. Лучше бы она этого не делала, потому что перед глазами тут же заплясали красные мухи, и в голове включился хороший такой механический молот, раньше таким забивали сваи. Когда Даша была маленькая, строили дом напротив, она помнит, как удары отдавались в ушах. Теперь, конечно, нет никакого молота, это у нее от таблеток.

Однако звон все продолжался, и Даша наконец поняла, что это звонит стационарный теле-

фон. Странно, а она думала, что его давно отключили. А он звонит себе, да еще так громко.

Даша со стоном спустила ноги с кровати, потому что догадалась, кто это звонит. По этому телефону звонила только тетя Лика, ее далекая и единственная тетка. Нужно ответить.

Даша босой ногой стала нашаривать тапочки, вляпалась во что-то мокрое, и тут же ногу кольнуло. От боли она пришла в себя и увидела, что уронила стакан с водой, который разбился, и теперь она поранила ногу осколком.

— Черт, только этого не хватало!

Телефон, однако, все звонил и звонил, так что Даша, так и не найдя тапки, похромала в прихожую босиком.

— Дашка, ты? — тетя Лика почему-то всегда ужасно громко орала в трубку.

— А кто же еще-то... — проворчала Даша, голос с тяжелого сна был хриплый и какой-то чужой. Впрочем, в последнее время она вся была сама не своя, все тело казалось ей чужим и незнакомым.

Наверно, это от таблеток, которые так сильно на нее влияют. Но что делать, иначе она не может спать. Лежит всю ночь и тупо пялится в потолок. Или еще вспоминать начнет, какая у нее была раньше замечательная жизнь. И когда осознает, что все это кончилось и больше уже ничего не будет — тут впору бежать в ванную и вскрывать себе вены. Или выбрасываться из окна.

Ага, учитывая, что живет она на четвертом этаже, максимум, что можно получить, — это перемены и сотрясение мозга. Нет, конечно, при большой удаче можно и в ящик сыграть, но, скорее всего, останешься калекой на всю жизнь. Нет, уж такого ей точно не надо.

— Дашка, ты заснула там, что ли? — напомнила о себе тетя Лика. — Или еще не проснулась? Двенадцатый час уже, пора вставать!

Даша переступила ногами и снова ощутила боль, да еще и потекло что-то теплое по ноге. Она посмотрела вниз и едва не ахнула. Из спальни тянулся за ней кровавый след. Надо же было так порезаться...

— Что, что с тобой? — заволновалась тетка.

— Да я тут... — еще не хватало рассказывать тете Лике, что порезалась. Та разволнуется, начнет давать советы, а потом будет названивать каждые полчаса, этак покоя вообще не будет.

— Да ничего...

— А ничего, так и ладно! Я что звоню-то? Понимаешь, Аня ушла от мужа, то есть он так себя повел, что у нее просто выхода другого не оставалось!

«Какая Аня? — подумала Даша. — В жизни не слышала ни про какую Аню!»

— Дарья, ты меня лучше не зли! — Тетка отлично умела читать ее мысли. — Сто раз я тебе рассказывала, что соседка у меня Аня. Хорошая девочка, только вот с мужем ей не повезло. Мы с ней подружились за эти два года, что они тут

живут, ну, после того, как Михална умерла. Ну, вспомнила теперь?

До Даши с трудом начало доходить, что и правда, говорила тетка что-то такое про новых соседей. Что молодая пара въехала в полдома, освободившиеся после смерти соседки, с которой тетя Лика дружила много лет.

Даша и раньше-то не слишком вслушивалась в болтовню тетки, которая звонила ей раз в месяц и сообщала последние новости. Так они договорились, потому что тетка начала прихварывать, и Даша волновалась, как она там у себя в Зареченске. Причем о своем здоровье как раз тетка говорить не любила, она вообще терпеть не могла ходить по врачам.

Раньше Даша очень волновалась за нее, звала к себе, чтобы устроить на медицинское обследование, потом со своими обстоятельствами ослабила контроль.

Обстоятельства... Даша помотала головой, чтобы отогнать плохие мысли. Тетка сразу почувствует ее настроение, начнет утешать... Хотя нет, утешать не станет, тетя Лика считает, что со всеми неприятностями нужно справляться с помощью работы. Причем физической. Ремонт в квартире сделать, к примеру, или на крайний случай два бака белья вручную перестирать.

— Ты еще машину дров предложи мне переколоть! — рассердилась тогда Даша. — Как будто у тебя там, в Зареченске, печное отопление и водопровода нету.

Сейчас тетя Лика помедлила немного в нерешительности, что с ней бывало нечасто.

— Дашуня, девочка моя! Войди в положение, помоги хорошему человеку!

Даша напряглась, она ведь тоже отлично знала свою тетку. Если тетя Лика сменила тактику — стало быть, и правда просит чего-то серьезного.

— Да говори ты толком! — рассердилась она, видя, что под ногой образовалась уже на плитке небольшая лужица крови. — Не тяни! Что нужно?

— В общем, так. Аня ушла от мужа, я уже говорила. Но так просто он ее не отпустит, это страшный человек, просто страшный! Он не даст ей ни покоя, ни свободы, так что ей нужно уехать. И сегодня ночью Виктор Палыч отвез ее к поезду. В Петербурге поезд будет завтра к вечеру. Встречать ее не надо, она сама дорогу найдет.

— Что-о? — Даша снова переступила ногами, оттого, что стало холодно босиком.

— Ну да, я тебя очень прошу, приюти Аню хотя бы на несколько дней! Бедной девочке совершенно некуда идти! Она совсем одна! Ну, Дашка, ради меня, ладно? Ты все равно сейчас одна, так что места в квартире хватит, две комнаты все-таки... А она потом работу найдет, квартиру снимет, характер хороший, хлопот с ней точно не будет! Ну, согласна?

«Попробуй тут не согласиться», — подумала Даша.

— Ну-у...

— Вот и ладушки! — обрадовалась тетя Лика. — Знала, что ты не откажешь! Мы, женщины, долж-

ны помогать друг дружке в трудную минуту! Аня милая такая, вы непременно подружитесь! Будете вечерами чай вместе пить, болтать о своем, о девичьем, тебе подруга не помешает, хоть отвлечешься!

«Угу, — подумала Даша, — вот как раз подружки мне только и не хватает...»

Она горько улыбнулась про себя.

Нет уж, теперь никогда у нее не будет близкой подруги! Хватило уже, нахлебалась по полной программе! Будут приятельницы, с которыми ни за что откровенничать она не станет. А пока вообще никого не хочется видеть, ни с кем не хочется общаться.

— Значит, завтра вечером поезд прибывает в девять часов! — твердила свое тетя Лика. — Ну, пока там... в общем, жди Аню к десяти. Ты не думай, — тетка понизила голос, — она простая такая, стесняться ее не надо, ей бы спальное место, да чашку чаю утром — она и рада будет... Спасибо тебе, Дашутка, что вошла в положение!

— Да ладно, раз ты за нее просишь... Но ненадолго...

— Ага, ага, тут еще вот какое дело! — перебила ее тетка. — Аня паспорт-то взяла, денег сколько-то, а остальные документы не смогла. Так я на работе у нее трудовую книжку получу, диплом опять же достану, она сказала, где лежит, и вышлю на твой адрес заказным письмом, ладно?

— Ладно... — Даша пожала плечами, и тетка наконец отсоединилась.

Даша взглянула на ногу, тихонько охнула и похромала в ванную. Там она долго отмывала ногу,

искала пластырь, не нашла, так что пришлось залить рану йодом и забинтовать. Повязка все время сползала, к тому же пару раз она вляпалась тапочками в кровавую лужу и едва не поранила еще и руку, убирая осколки стакана. С чего это ей вздумалось оставлять стакан с водой рядом с кроватью? Не было сил отнести на кухню? Она ничего не помнила.

Так всегда у нее бывает от таблеток, она от них дуреет, хуже чем от спиртного. В будние дни все-таки держит себя в руках, поскольку на работу вообще рано не встать, но за неделю так измучается, не спавши, что едва дотерпит до пятницы.

И все выходные бродит она по квартире как сомнамбула, немытая и непричесанная, либо валяется на диване в гостиной, тупо пялясь в экран телевизора и переключая каналы.

Пластырь нашелся не в аптечке, а в ящике письменного стола, интересно, как он там оказался? Но Даша наконец приняла душ и заклеила рану, после чего решила выпить кофе, чтобы окончательно проснуться.

Первый сюрприз поджидал ее в буфете. Кофе не было. Кончилось все: капсулы для кофеварки, молотый кофе для кофейника и для обычной турки. В конце концов она разыскала пару пакетиков растворимого, залила это безобразие кипятком, но не было сливок, так что пришлось положить сахар... нет, так жить нельзя!

Вытирая кровавую лужу в прихожей, она мимоходом поглядела на себя в зеркало и ужаснулась. «Краше в гроб кладут!» — сказала бы в таком слу-

чае тетя Лика, и в данный момент Даша не могла с ней не согласиться.

Смотреть на то, что отражалось в зеркале, было противно. Одутловатое лицо, желтая несвежая кожа, щеки висят, как у соседского бульдога, волосы прилипли к этим щекам безжизненной папкей. Господи, да ей всего двадцать девять лет, а в зеркале отражается сорокалетняя тетка с трудной судьбой, у которой не было в жизни ничего хорошего, да и не ждет она в будущем тоже никаких пряников.

Это неправда, тотчас сказала себе Даша, было у нее в жизни хорошее, и много. Целых три года, точнее, почти четыре, с тех пор, как они познакомились с Владиком.

Это он так поставил с первой же встречи, когда представился ей Владимиром. И тут же твердо сказал, чтобы никаких Вовочек, Вовусиков и Вовастых, он этого терпеть не может. Володей можно...

Уже потом, когда женаты были, как-то друг его школьный по пьянке проболтался. Фамилия Владимира была Блохин, поэтому в школе его дразнили Вовастый-Блохастый. Даша тогда посмеялась про себя, но мужу не стала говорить, что про кличку знает. И придумала ему свое имя — Влад, Владик...

Как она его любила... как же она его любила!

Первое время сердце замирало даже не тогда, когда его видела, а просто от пустякового сообщения. Когда познакомились совершенно случайно на дне рождения у сотрудницы, она сразу поняла, что этот парень — ее единственный человек. В об-

щем, влюбилась с первого взгляда. Сама не верила раньше, что так бывает.

Тогда у главбуха их фирмы был юбилей, справляли в дорогом ресторане, в отдельном зале, а танцевать выходили в большой зал. Даша была в числе приглашенных, потому что тогда у нее была карьера, она подавала большие надежды и замещала начальницу отдела, когда та болела и подумывала уже, чтобы бросить работу вообще.

И вот будущий муж пригласил ее танцевать, потом еще и еще, потом они обменялись телефонами, и Даша буквально заболела на неделю, которая прошла после встречи в ресторане.

Наконец он позвонил, и они стали встречаться. Ездили за город, ходили в кино и в кафе, пару раз были в театре. Он не спешил переходить к более близкому общению, Даша сама первая пригласила его домой. Никто ей не мешал, она уже тогда жила одна вот в этой квартире, которую мама переписала на нее, когда вышла замуж во второй раз и уехала далеко, присовокупив напоследок, чтобы дочка не делала глупостей и не прописывала в квартиру будущего мужа.

Владимир пришел с цветами и с бутылкой вина. Они выпили ее потом, поскольку ужин задержался. Точнее, все пересохло в духовке, хорошо хоть Даша успела ее выключить, а то и до пожара недалеко.

Когда он ушел — не утром, а следующим вечером, — Даша закрыла за ним дверь и посмотрела в зеркало на свои сияющие глаза.

«Я хочу быть с ним! — сказала она себе. — И я сделаю все, чтобы это случилось как можно скорее!»

И вот теперь она стоит на том же месте перед тем же зеркалом и смотрит на себя — страшную, измученную, с потухшими глазами, и думает, как же она дошла до такой жизни. Хотя как раз думать сейчас некогда. Думать о своих несчастьях вообще вредно, как считает тетя Лика. Наверно, она права, но Даша ничего не может с собой сделать.

Даша оглянулась по сторонам, прошла на кухню, потом заглянула в гостиную. Да уж, квартира в полном запустении, под стать хозяйке. И если уж пригласила человека к себе, то нужно сделать хотя бы минимальную уборку. Что с того, что эта Аня, как утверждает тетка, женщина простая и нетребовательная, все равно неудобно.

От отвратительного растворимого кофе заболел желудок, во рту было кисло. Даша долго мыла лицо холодной водой, потом набросала на него кое-какую косметику, с грустью отметив про себя, что лучше не стало. Нет, наверное, все дело в выражении. У нее на лице застыло выражение несчастное, сразу видно, что у нее неприятности, что ее обидели, оскорбили и унизили.

Все так и есть, и с этим ничего не поделаешь, как сказала бы тетя Лика. Но Даша не может забыть. Она не может спать, не может есть, не может жить нормальной жизнью. А что такое нормальная жизнь?

Три года, пока была замужем, она считала, что это навсегда, что у них все общее и жизнь будет

общая, сначала вдвоем, а потом непременно будут дети.

Муж не хотел детей и просил ее подождать. Что ж, Даша согласилась, они молодые, дети еще впереди. И Светка советовала подождать, пожить для себя...

Стоп! Вот про Светку не надо. Даша твердо знала, что думать про Светку нужно только тогда, когда держишь в руках опасную бритву, чтобы вскрыть себе вены, или стакан, в котором яд (интересно только, где его взять, чтобы наверняка). Тогда рука не дрогнет, и никаких сомнений не возникнет.

А так просто вспоминать про близкую когда-то подругу не стоит, ни к чему хорошему это не приведет. Хотя она, Даша, ничего хорошего и не ждет.

Хотя про это она уже себе говорила. И не раз.

Даша стянула волосы в хвост, надела джинсы и курточку и решила идти в магазин. Продукты купить, завтра хоть какой ужин приготовить, человек же все-таки с дороги будет. Надо же, ушла эта Аня от мужа, не было сил больше терпеть, как сказала тетя Лика, а она женщина толковая, не паникерша какая-нибудь, в людях разбирается, хоть и прожила всю жизнь одна, замуж не вышла.

Поэтому и ее, Дашину беду, восприняла философски.

Жива, спросила она, здорова? Руки-ноги целы? Голова в порядке? Квартира не сгорела? Ну так и ладно, остальное все ерунда. Наплевать и забыть!

Конечно, она права... Хотя бы в том, что сейчас нужно сосредоточиться на делах.

Даша вышла из дома, очень удачно избежав встречи с соседкой, которая была полностью в курсе последних событий и пыталась влезть к Даше в душу со своей нестерпимой жалостью и дурацкими советами. Еще не хватало!

На улице была для октября хорошая погода — светило солнышко, ветер гонял по асфальту желтые листья, в кусте сирени, что рос у подъезда, бодро галдели воробьи.

Даша вдохнула свежий осенний воздух и решила пройти до дальнего супермаркета, чтобы не встретить знакомых и соседей. Не то чтобы кто-то приставал бы с разговорами, откровенно говоря, никому не было до нее никакого дела, просто ей самой не хотелось никого видеть. А в торговом центре можно и кофе нормального выпить.

Она миновала несколько маленьких магазинчиков, итальянский ресторан, куда они любили ходить с Владиком, затем обувной, где незадолго до того, как случился кошмар в ее жизни, они купили мужу итальянские ботинки.

Даша ускорила шаг, вспомнив, как она бежала по магазину и носила ему одну пару за другой, сама даже шнурки завязывала.

В торговом центре открылось новое кафе, подавали кофе, сэндвичи и горячие бутерброды. Неожиданно Даша почувствовала зверский голод, чего не было с ней уже давно. После того, что случилось, вся еда казалась ей совершенно безвкусной или с привкусом горелой пластмассы, так что лучше уже вообще не есть. Что она и делала, только пила кофе, чтобы очухаться после таблеток.

И похудела... ой, где-то в доме были напольные весы, надо бы их найти.

Сейчас она заказала горячий бутерброд и большую чашку кофе с молоком и сахаром и съела все до крошки.

От еды прекратил стучать в ушах механический молот, и красные мухи улетели к другим бедолагам. Даша купила продукты и кое-какие хозяйственные вещи.

От кофе или от свежего воздуха у нее прибавилось энергии, так что она завелась с уборкой квартиры по-настоящему. Закончила уже вечером и до того наломалась, что забыла принять таблетку.

И спала до полуночи. Часа четыре, но все-таки это хороший результат.

И когда лежала остальную ночь без сна, то воспоминания, конечно, наползали, куда от них денешься, но Даша не сопротивлялась. Вот она я, берите меня со всеми моими комплексами!

Собственно, комплексов раньше не было никаких, характер у Даши всегда был хороший, светлый. В тетю Лику, наверное. А уж когда с мужем будущим познакомилась, то вообще готова была всех любить. Не ходила, а летала, глаза сияли, волосы вились сами по себе, так что все заметили, что она влюбилась. Да она и не скрывала. Уже когда заявление подали, Владик иногда встречал ее после работы.

«Красивая пара», — говорили тогда все вокруг.

Мама на свадьбу не приехала, а тетя Лика была, Даша выслала ей денег на билет. Самая близкая подружка Светка заменяла всех. Они вместе хо-

дили по магазинам, выбирали платье. Заказывали ресторан, бронировали отель. Хотя нет, отель, кажется, они выбирали вместе с Владиком.

Со Светкой они дружили с пятого класса. Даша-то училась с самого начала, когда мама привела ее к своей бывшей учительнице в первый класс. В пятом классе объединили, взяли новеньких из другой школы, вот и сели они вместе за третью парту в среднем ряду. Так до выпускного там и просидели. После школы встречались часто, на море ездили. Возле Светки всегда были парни, она яркая, впечатление производит. И умная, во всяком случае, Даша всегда это признавала и с ней советовалась. Вот уж дура-то была...

Светка вышла замуж незадолго до Даши, успела все-таки раньше. Даша тогда ее выбору удивилась. Точнее, парня этого, Лешу, знала она давно, таскался он за Светкой с юности. Даша не помнит даже, чтобы они всерьез встречались. То мелькнет он на какой-то тусовке рядом с подружкой, то пропадет надолго.

Такой молчаливый, незаметный, Даше кивнет скупое, улыбнется... вроде и разговаривать им не о чем. И вот, Даша с Владиком уже заявление подали, пока ждали четыре месяца, Светка вдруг звонит — поздравь меня, я замуж вышла. Да как же так, да за кого... А, за Лешку, он все меня уламывал, вот и уломал наконец! Посмеялись тогда, да у Даши своих забот полон рот был.

После свадьбы Владик дал понять, чтобы дома никаких подружек не торчало. Дома, сказал, хочу

с женой время проводить и вообще расслабиться. Ну и правильно, Даше тоже никто не нужен был.

Так что встречались они со Светкой изредка на стороне — то в кафе посидят, то в зал вместе сходят или в баню. Потом стали чаще встречаться, парами, по-семейному. Владик вроде бы с Лешей общий язык нашел, болтали они о своем — о работе да о машинах.

Даша была счастлива, и главную свою задачу видела в том, чтобы мужу как можно лучше с ней было. И в бытовых вопросах со Светкой советовалась, как раньше привыкла.

Теперь-то понимает, что зря, нужно было молчать про свою жизнь, а лучше раздружиться со Светкой сразу же. А так получилось, что она сама выболтала подружке про то, что муж любит, а чего терпеть не может, в каком настроении с работы приходит, как его утешить, если недоволен или устал... господи, ну и дура она была! Говорила ей тетя Лика, чтобы поменьше болтала, что сама она в свое время нарвалась из-за этого, оттого и замуж не вышла. Только Даша не больно ей верила, что может тетка посоветовать, раз сама никогда замужем не была?

Даша сама удивилась, что про Светку так спокойно думает, что не хочется сразу за ножом бежать или на крайний случай головой о стенку биться. Было уже такое, и не раз.

Главное, что буквально убило ее, — это предательство. Ведь она этим двоим верила, мужа любила без оглядки, а со Светкой-то они ведь сто лет знакомы были!

И ведь ничего не замечала, как эти двое за ее спиной сговорились, ведь и мысли никакой не возникло, когда пришла как-то домой пораньше и застала мужа собирающим чемодан. Ничего внутри не шевельнулось, сердце не кольнуло, наоборот, хотела сразу сказать ему, что задержка у нее второй месяц и что записалась она к врачу, а пока вот тест купила на беременность.

Хорошо, что не сказала, не вывалила сразу, спросила только, в командировку он, что ли? Отчего же ей не сказал утром?

А он как бросит чемодан на пол, как закричит на нее! Обозвал по-всякому — и дура, мол, несусветная, идиотка, дебилка, ничего не замечает вокруг себя. Вообще не от мира сего, в облаках витает, о чем только думает, поговорить с ней не о чем, только суетится да причитает «Владичек то, Владичек сё...»

Это потом уже Даша поняла, что он нарочно себя накручивал, что рассердился он на нее за то, что не вовремя домой пришла и его с чемоданом застала. Он-то хотел улизнуть по-тихому, а потом ей сообщение прислать — мол, ухожу от тебя к другой, ничего у нас общего нет — ни детей, ни жилплощади. Ну вот что такое с мужиком случилось? Ну за что он с ней так?

Эх, сказала потом тетя Лика, не разбираешься ты, Дашка, в людях совершенно. Ну, видно же было, что Владик твой — тот еще паршивец, эгоист, каких мало, привык, чтобы за ним ухаживали, с ложечки кормили, пылинки сдували. Ты так

и делала, вертелась вокруг него — так ему скучно стало, страстей захотелось.

А чего ж ты, спрашивает Даша, мне ничего не сказала перед свадьбой? Тебе скажи, тетка тогда только вздохнула грустно, ты бы и слушать не стала, да еще со мной поругалась бы насмерть.

А вот подружка твоя всех обмануть сумела, видно, я, тетка говорит, чего-то не понимаю, потому что в голове не укладывается, чтобы у близкой подруги, да еще столько лет дружили, — и вдруг мужа увести! Бывает, конечно, всякое, но не так... Жили-то вы хорошо, у нее самой муж есть... Нет, видно, я тоже в людях не очень разбираюсь.

Это уж потом у них такой разговор был, когда тетя Лика к Даше приезжала, а тогда выслушала она все про себя от мужа и окаменела на месте. Это Светка его подучила, как себя вести, знала прекрасно, что Даша от такого напора растеряется и не найдет что сказать. Изучила ее за столько лет прекрасно.

Так и вышло. Ушел муж и дверью хлопнул, да так, что соседка выскочила и все поняла. Сочувствие, конечно, проявила, расспрашивать начала, а у Даши и сил нет, чтобы ее из квартиры выгнать.

В общем, на следующий день уже весь дом знал, что Дашу муж бросил. Да только ей все равно было, потому что ночью она в больницу попала с кровотечением. А тогда, когда соседка наконец убралась, Даша, дура этакая, стала Светке звонить. А кому еще-то? Самая близкая подружка, с кем еще горем поделиться...

Выслушала Светка Дашино блеяние, помолчала немного, а потом и говорит, ты мне больше не звони, мы с тобой больше не подруги, это, знаешь, как-то противоестественно.

И таким голосом она это сказала, что до Даши наконец все дошло. Не стала она спрашивать, за что так они с ней да почему, трубку бросила. И плохо так стало, низ живота тянет, потом кровь пошла. Вызвала «скорую», увезли в больницу, сказали — выкидыш. Хорошо, что на малом сроке, все пройдет без последствий. Да Даше все равно было. Продержали ее дней пять и выписали.

На работе за это время все узнали. Даша забыла позвонить, а телефон разрядился, вот и отправили кого-то к ней домой. А там соседка подкараулила и все рассказала — и что муж ушел, и что в больнице лежит с выкидышем.

Как вышла Даша на работу — так ей проходу не давали, за спиной шептались, кто сочувствует, кто злорадствует. Сил не было такое терпеть, да еще начальник ругался, что работу запустила.

Он-то хотел ее встряхнуть, чтобы в себя пришла, а она взяла да уволилась. И уехала к тете Лике. Там после разговоров вроде отошла немножко, о самоубийстве думать перестала, вернулась, работу нашла, хоть в захудалой фирмочке, но выбирать не приходится. Ни с кем в офисе она не общается, ни кофе пить, ни после работы по магазинам пробежаться не хочется.

Потерю ребенка особо не переживала, не успела еще к этой мысли привыкнуть. Жила как во сне, механически все делала, есть перестала со-

всем, а спать уже давно не могла, с самого начала. И тетя Лика не помогла, хоть и дала ей с собой чай травяной, ею самой собранный. Да не помогал он совсем, и стала Даша таблетки пить, одна там с работы посоветовала и рецепт достала.

Сейчас-то понимает Даша, что нехорошо эти таблетки пить, привыкание они вызывают, так можно и наркоманкой стать. Но без них вообще никак не заснуть. Сегодня вот проспала четыре часа, так и то хорошо.

Вон, светает уже, так и ночь прошла. Вставать пора, ну и ладно.

Следующий день Даша также провозилась с уборкой, по выражению тети Лики, вошла в раж и не могла остановиться. Зато квартира блестела, и только тогда она спохватилась, что не готов ужин. Что там купила вчера? Ага, курицу.

Она не готовила с тех пор, как ушел муж. До этого с удовольствием возилась на кухне, пробовала приготовить разные блюда, с коллегами рецептами обменивалась. А после как отрезало, входила в кухню, только чтобы кофе сварить да из холодильника готовое что-то вытащить.

И то поковыряет ту же пиццу или сосиски — да и выбросит.

Сегодня, однако, Даша решила, что сосиски незнакомому человеку подавать неудобно. То есть ей-то все равно, но что сказала бы тетя Лика? Хоть она и утверждает, что эта самая Аня — девица неба-

лованная и будет рада всему, лишь бы крыша над головой была.

Даша вымыла курицу, наскоро нашпиговала ее чесноком и травами и сунула в духовку.

И тут раздался дверной звонок.

Звонок был какой-то странный, робкий и нерешительный.

Вообще, по звонку в дверь можно многое сказать о том, кто к тебе пришел. Кто-то звонит резко, требовательно, напористо, как будто страшно спешит. Кто-то — спокойно и уверенно, не сомневаясь, что за дверью его ждут и будут ему рады. А кто-то — смущенно, как будто не знает, не ошибся ли он дверью.

Так вот, этот звонок был нерешительный, прерывистый, как будто тот, кто звонил, не знал, пустят ли его в квартиру.

Даша подошла к двери и на всякий случай спросила:

— Кто здесь?

Из-за двери голос, такой же робкий и неуверенный, как звонок, проговорил:

— Это... это Аня... мне Гликерия Аркадьевна сказала, что она предупредила...

Что-то резануло Дашу в этой фразе, она не поняла, что именно, зато сразу поняла, кто там за дверью. Хотя вроде бы еще рано, поезд только в девять приходит, а сейчас и восьми нет... Ну, может, тетка что-то перепутала.

Даша нацепила на лицо приветливую улыбку и распахнула дверь, проговорив:

— Конечно, Аня, заходи! Тетя Лика мне звонила!

На пороге стояла девушка примерно Дашиного возраста. Вполне себе симпатичная девушка, светловолосая, среднего роста, только какая-то пришибленная, она сутулилась и глядела на Дашу исподлобья, как собака, которая ждет строгого окрика или даже удара. На девушке был старенький плащик, запачканный на плече чем-то белым, за собой она катила дешевый клетчатый чемодан на колесиках.

— Да заходи же, будь как дома! — Даша отступила в сторону и постаралась улыбнуться еще шире.

Та шагнула вперед боязливо, как будто ожидала, что сейчас ее огреют из-за угла шваброй. Даша невольно покачала головой — да уж, видно, и правда досталось этой Ане, что она всего боится.

— Раздевайся, плащ вот сюда можно повесить, — засуетилась Даша, — а чемодан... — она схватилась за ручку чемодана, но Аня удержала ручку и глянула быстро, опасливо.

Даша отошла в сторону. Что у нее там, в чемодане, какие-такие сокровища? Странные эти люди из провинции. Ну, наверно, и правда человек не в себе, раз решила от мужа уйти. Не ей, Даше, ее критиковать, она сама после того, что случилось три месяца назад, мягко говоря, не в лучшей форме.

Гостья сняла плащик и осталась во вполне приличных джинсах и джемпере. Ого, раньше у Даши был той же фирмы, недешевый.

Она раньше хорошо одевалась, следила за собой. Зарабатывала прилично, у мужа денег не брала на свои нужды. За гардеробом своим тщательно следила. А потом...

Во-первых, она здорово похудела за это время, так что платья и пиджаки просто висели. И еще некоторые вещи они покупали вместе со Светкой, так что Даша видеть их не могла, нужно их в благотворительную организацию отнести, кому-то пригодятся.

— Пойдем, покажу, где ты спать будешь! — Даша потянула гостью в гостиную. Там стоял широкий диван, Даша заранее положила на него плед и постельное белье.

— Ты извини, у меня ужин еще не готов! — продолжала она светскую беседу. — Так что располагайся пока.

Гостья согласно кивнула, а когда Даша вышла, поспешно закрыла за ней дверь. Даша мысленно пожалала плечами: от кого она скрывается? В квартире никого нет, кроме них двоих.

Ну, возможно, она так сильно запугана, что не чувствует себя в безопасности даже вдаль от мужа...

За дверью слышалась какая-то возня, отчего-то Аня двигала мебель, потом скрипнул диван, как он скрипел, когда его раскладывали. Спать она собирается, что ли?

— Аня, ты как? — Даша постучала в дверь. — Помощь не нужна? Давай помогу диван разложить, он заедает.

Ответ был неразборчив, потом дверь открылась. Диван был сложен, посреди комнаты стоял раскрытый чемодан, вещи разбросаны — лифчики, колготки. Аня не переоделась, оставалась в том же джемпере и джинсах, только волосы зачесала гладко и сколола простой заколкой. Не было в ушах у нее ни сережек, обручального кольца тоже не было, только на левой руке простенькое колечко, серебряный ободок и узор какой-то.

— Может, хочешь с дороги душ принять?

— Потом, на ночь уж...

— Тогда выпьем пока кофе? — Даша подтолкнула гостью на кухню и показала на кофеварку.

Ей хотелось эту Аню разговорить, потому что... потому что она ей не слишком нравилась. Вот именно, Даша поймала себя на этой мысли и тут же устыдилась. Это все она виновата, девушка ей ничего плохого не сделала, и тетя Лика за нее просила, а уж она-то точно в людях хорошо разбирается.

А Даша после того, что случилось, всех людей ненавидит. Стыдно!

А ведь все знают, что ничто так не способствует развитию дружеских отношений, как совместное питье кофе.

— Мне бы... мне бы воды... — смущенно проговорила Аня, отводя глаза от кофеварки.

Даша потеряла переносицу:

— Вот воды у меня нет. Кончилась, — она показала на пустую бутылку.

Надо же, про воду-то она и забыла! Последнюю порцию в кофеварку заправила.

— Как кончилась? Можно ведь из-под крана!

— Да ты что? Не знаю, как у вас в городе, а у нас из-под крана пить нельзя! Там чего только нет... но я сейчас схожу в магазин, тут совсем рядом есть круглосуточный.

— Ой, что ты, я не хочу тебя утруждать! Я сама схожу, только скажи мне, где это.

— Нет, ты не найдешь. Этот магазин местные-то не все найти могут. Потом, я заодно еще кое-чего куплю — пасту зубную, жидкое мыло у меня кончилось...

Даше было стыдно. Ведь ходила же в магазин, а таких вещей простых не купила. Совершенно отбилась от хозяйства!

— Пойдем тогда вместе. Заодно ты мне покажешь. Надо же мне ориентироваться в районе.

«Значит, она собирается жить у меня долго... — подумала Даша тоскливо. — Ну ничего, ради тети Лики потерплю...»

Аня надела все тот же простенький плащик, видно, у нее не было больше ничего из верхней одежды. Даша из солидарности не стала надевать новое пальто, накинула куртку с капюшоном, в которой они с мужем когда-то ездили на дачу к его друзьям. Тогда жарили шашлыки, и на куртку попали искры от костра. Ничего, вечером не заметно.

Даша жила недалеко от «Пяти углов», в той старой и непарадной части города, которую часто называют Петербургом Достоевского. Надо сказать, что со времен Родиона Раскольникова в этой части города не так уж много чего изменилось, и алкаш дядя Гриша, который с задумчивым видом стоял рядом с подъездом, вполне мог быть внучатым племянником незабвенного господина Мармеладова. Дежурство дяди Гриши начиналось вечером, когда жильцы шли с работы, утром он спал или отирался у магазина в надежде заработать не на водку, так хоть на пиво.

Увидев Дашу, дядя Гриша шагнул навстречу, засиял и протянул льстивым голосом:

— Дашутка, какая же ты красавица! Не дашь бедному старику на опохмел?

— Не рано ли ты опохмеляешься, дядя Гриша? Еще ведь вечер!

— А я на завтра!

— Нет, дядя Гриша, у меня еще зарплаты не было, — привычно ответила Даша. Дядя Гриша был алкаш безобидный, его отвадить легко.

— А у подруги твоей?

— У нее тоже не было. Она вообще еще на работу не устроилась.

— Ой, девки, какие вы не разворотистые! — грустно вздохнул дядя Гриша.

Девушки обошли алкаша, свернули в дворовую арку, прошли через двор-колодец и оказались перед входом в круглосуточный магазин.

Даша взяла бутылку воды без газа, пасту, прихватила еще свежий батон. Краем глаза она

заметила, что Аня тоже что-то купила и расплатилась на кассе, но, когда они вышли на улицу, в руках у нее ничего не было.

Даша не придавала этому значения, да и вообще тут же забыла, потому что навстречу им шел Череп.

Череп был местный хулиган, вечно ко всем пристававший, злой и подлый тип. Ребенком он мучил кошек и собак (тех, что не могли за себя постоять), повзрослев, перешел на детей и девушек — опять же тех, кто не мог от него отбиться.

В юности Даша очень от него натерпелась, пока старший брат одной из девчонок в ее классе не записался в секцию бокса. И настолько в этом деле преуспел, что в ответ на жалобы сестры решил Черепу проучить. Хорошо получилось, потому что с тех пор Череп обходил стороной не только сестру, но и всех девчонок ее класса.

Потом Череп куда-то пропал, говорили, что сидел за кражу, потом вернулся, потом Даша вышла замуж и редко ходила вечером одна. А вот потом, когда муж ее предал и бросил, тут-то Череп и принялся за нее. Так падальщики чувствуют, что животное слабеет и болеет и не окажет большого сопротивления.

Так что последние три месяца Даша была его излюбленным объектом, и сейчас при виде Череп у нее засосало под ложечкой. И Череп, как всякий мелкий и злобный хищник, почувствовал этот страх и прямо расцвел от него.

— Кого я ви-ижу! — пропел Череп дурашливым голосом и заступил девушкам дорогу. — Никак Дарья! А ты знаешь, Дарья, что этот двор — моя

подконтрольная территория? И что всякий, кто хочет через него пройти, должен заплатить пошлину!

— Шурик, ну чего тебе надо? — проговорила Даша, безуспешно стараясь не выдать свой страх. — Пропусти, видишь, ко мне подруга приехала... она устала, с дороги...

— И подруга тоже должна заплатить. Причем по двойному тарифу, поскольку она не местная!

Он шагнул к девушкам и вдруг ухватил Аню за попу.

— Ух ты, а она ничего!

Вдруг Аня как-то быстро взмахнула рукой, вроде бы случайно задев Черепа. Кольцо блеснуло в свете фонаря. Череп отскочил, взвыл, согнулся пополам.

— Ты что... — просипел он, едва отдышавшись. — Да я тебя...

Он снова подскочил к Ане, но та отступила в сторону и что-то сказала ему на ухо. Череп отшатнулся, лицо его переменялось, теперь на нем был самый настоящий страх, и он бросился наутек.

Даша стояла в растерянности.

Аня взяла ее за локоть:

— Пошли уж домой! Ну у вас и порядки, а еще большой город, культурная столица!

Даша промолчала.

Курица, забытая в духовке, безнадежно пересохла, так что девушки просто выпили черного кофе с сухим печеньем, Аня сказала, что есть не хочет.

Ночью Даша снова лежала без сна, ей было не по себе. Перед глазами стояло лицо этого придур-

ка Черепа, как оно изменилось, когда Аня сначала ткнула его в живот, а потом сказала что-то на ухо.

И что она сказала, что такой здоровый мужик, как Череп, испугался? Было видно, что у него просто поджилки затряслись. Но вообще-то Череп, конечно, трус, может только детей обижать, да еще таких тетех, как она, Даша. Но все-таки...

Аня эта появилась вся такая испуганная, затурканная, тетя Лика говорила, что муж ее буквально довел. Вот кстати... тетя Лика терпеть не может свое полное имя Гликерия. И никто не зовет ее по имени-отчеству, разве только лица официальные. Вот помру, говорит она, тогда будете посмертные слова говорить, тогда и называйте по имени-отчеству, мне все равно уже будет.

А эта Аня, судя по всему, хоть и в близких с теткой отношениях, все равно Гликерией ее называет. Странно.

И как-то не верится, что такая решительная и смелая женщина, какой показала себя Аня, разрешала мужу над собой издеваться. Ну, может, он уж такой злодей, что Череп ему и в подметки не годится...

Рано утром Дашу снова разбудил звонок тетки.

— Дашка, извини, что я рано, но тебе все равно на работу! — кричала она в трубку. — Ну как, приехала Аня? Все в порядке?

— Ага, извини, что вчера не позвонили... она сейчас спит, — Даша посмотрела на закрытую дверь гостиной.

— Слушай, мне бы у нее спросить кое-что... Не знаю, как документы ее достать. Этот ее... закрыл-

ся у себя и никуда не выходит. Я постучала — не отвечает никто. Уж не сотворил ли он с собой чего от горя, что жена его бросила?

— Сейчас разбуджу ее! — Даша легонько стукнула в дверь и, не слыша ответа, приоткрыла ее на маленькую щелку.

Каково же было ее удивление, когда она увидела только неубранную постель на диване. Из ванной слышался шум воды.

— Аня, ты там? Тебя тетя Лика просит!

Аня открыла дверь, голова ее была в мыле.

— Слушай, скажи, что я сама ей перезвоню, ладно? — пропыхтела она сквозь пену.

— Ладно, — усмехнулась Даша.

— Зря я паникую, — сказала тетка, — с такими мерзавцами, как этот Антон, Анин муж, никогда ничего не случается. Ты не представляешь, что он устраивал! Запирал ее на ночь в холодных сенях, платья ее резал на мелкие кусочки, ночью подушкой душил!

— Да ну? — удивилась Даша. — Это точно? Как-то не верится...

— Я сама синяки у нее видела, только она скрывала, потому что он сказал: только пожалуйся — вообще убью! Запугал ее, в общем, совсем... Поначалу-то она пробовала сопротивляться, развестись хотела. Он в ногах у нее валялся, говорил, что больше такого не повторится, что он без нее жить не может, что руки на себя наложит, если она уйдет...

— Хм...

— Ой, Дашка, у нас стены тонкие, и не захо-чешь, а услышишь!

— Ладно, тетя Лика, извини, я на работу опоз-даю! — спохватилась Даша.

Аня вышла из ванной в тот самый момент, ког-да Даша повесила трубку.

— Я перезвоню ей сама, — сказала она. — Гли-керия Аркадьевна так много для меня сделала...

— Она сказала, что муж твой заперся в доме и не отзывается, — неизвестно зачем начала Даша.

— Да? — Аня пожала плечами, показывая, что этот вопрос ее не интересует.

Тут Даша сообразила, что и правда опаздыва-ет на работу, и запросто могут ее уволить. Хоть и не стоило бы держаться за эту работу, где она — обычный менеджер, мелкая сошка, но в ее поло-жении и эти деньги не лишние. А начальник смо-трит косо, и тетки из бухгалтерии хамят, а это — плохой признак, в бухгалтерии все всегда знают.

Долговязый тип со сломанным носом и ма-ленькими тускло-серыми глазками, с черным че-моданчиком, пристегнутым к стальному браслету на руке, подошел к двери, над которой криво ви-села табличка «Займи до получки». Он огляделся по сторонам и нажал кнопку звонка.

— Кто? — раздался из динамика подозритель-ный голос.

— Ты чё, Косой, не узнаешь меня? — прогово-рил тип с чемоданчиком. — Открывай уже, Сте-паныч меня ждет!

Замок шелкнул, дверь открылась.

Человек с чемоданчиком вошел в тесную комнату, где сидел бритоголовый тип со скошенными к переносице глазами. На столе перед ним лежала бейсбольная бита.

Он оглядел вошедшего и кивнул на дверь за своей спиной:

— Проходи, Степаныч тебя и правда ждет.

Человек с чемоданчиком толкнул дверь и вошел в просторный кабинет.

Большую часть этого кабинета занимал необыкновенно роскошный письменный стол из черного дерева, инкрустированный бронзой и перламутром. За этим столом сидел невысокий, очень толстый человек с круглой плешью, окруженной газончиком рыжеватых волос, и большим жабым ртом. Маленькие глазки смотрели на вошедшего с жадным любопытством.

— Здравствуй, Степаныч... — проговорил вошедший, сразу сделавшись ниже ростом.

— Здорово, Полтон!

— Я Платон...

— А мне без разницы! Принес? — спросил хозяин квакающим голосом, отчего сходство с жабой стало разительным. — Принес, конечно, принес! Иначе бы ты ко мне не посмел заявиться!

— Принес, Степаныч! — с испуганным подобострастием ответил вошедший и положил на черный стол свой чемоданчик.

Хозяин кабинета довольно крякнул, достал из ящичка стола маленький ключ, открыл замок наручника и отстегнул от него чемоданчик. Затем он

развернул чемоданчик так, чтобы курьер не мог видеть его содержимое, достал из другого ящика еще один ключ, с фигурной головкой, и этим ключом открыл чемоданчик.

Откинул крышку, заглянул внутрь... и лицо его мгновенно переменялось, вместо радостного ожидания на нем проступило сначала недоумение, а затем ярость.

— Что это?! — прорычал он и стал похож уже не на жабу, а на разжиревшую гиену.

И в то же время из-под черного стола донеслось глухое угрожающее рычание.

— Что это?! — повторил он и развернул чемоданчик к курьеру.

— Бу... бутылка... — ответил тот и судорожно сглотнул.

— Вижу, что бутылка, — прорычал Степаныч.

Действительно, в чемоданчике лежала бутылка с этикеткой «Коньяк дагестанский выдержанный».

— Так это, наверное...

— Наверное? — переспросил Степаныч.

Из-под стола медленно выдвинулась огромная собака — светло-коричневый зверь с гладкой шкурой и громадной головой со свисающими щеками. Глазки, маленькие, как у хозяина, горели злобой.

Степаныч подковырнул крышку бутылки желтым ногтем, снял ее, понюхал содержимое, затем достал из ящика стола хрустальную рюмку, налил в нее из бутылки, пригубил и протянул курьеру:

— Пей!

Тот послушно выпил, на лице его поочередно менялись страх и недоумение.

— Что это? — проговорил Степаныч обманчиво мягким голосом.

— Коньяк... — пролепетал курьер.

— Коньяк, — кивнул Степаныч, — и так себе коньяк. Ты меня что, за лоха держишь?

— Что ты, Степаныч... как можно...

— А мне сдается, что держишь. А тебе как кажется, Цезарь?

Пес снова хрипло зарычал и напрягся.

— Нет, Цезарь, подожди, мне еще с ним поговорить надо, а после тебя он будет не очень разговорчивый.

Степаныч уставился на курьера тяжелым взглядом и процедил:

— Куда ты дел то, что тебе передали?

— Это оно... что мне дали, то я и принес... Степаныч, ты же знаешь, я никогда... что мне дали... вот же, чемоданчик был заперт, и к наручнику пристегнут...

— Нет, Полтон. Тебе передали бутылку с раствором ценой в несколько лимонов зеленых. Передали надежные люди, которые не посмели бы меня кинуть.

— Я тоже не посмел...

— А вот этого я не знаю! Правда, Цезарь?

Пес рыкнул и вопросительно взглянул на хозяина.

— Еще рано! Он мне сначала все расскажет — кому отдал ту бутылку, куда ее дел... а уже потом...